

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.475-486

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

- В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963)
- Н.Е.Застенкер.* Ленин о домарковом утопическом социализме
- Морис Домманже.* Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)
- М.А.Барз.* Генезис идеологии истинных левеллеров
- Жан Дотри.* Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо
- В.С.Алексеев-Попов.* Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты
- Ю.П.Мадор.* Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223
- К.Э.Кирова.* Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830–1840)
- А.Д.Колпаков.* Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов
- Карл Оберман.* К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844–1845 гг.
- А.И.Володин.* О начале социалистической мысли в России
- Е.Л.Рудницкая.* Социалистические идеалы Н.П.Огарева
- В.Р.Лейкина-Свирская.* Утопический социализм, петрашевцев
- В.Э.Кунина.* История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)
- Ю.Я.Мошковская.* Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.
- В.М.Далин.* К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
- Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину*

Виктор Моисеевич ДАЛИН

К ИСТОРИИ «МАНИФЕСТА ПЛЕБЕЕВ»

Бабеф в Аррасской тюрьме

Все биографы Бабефа признают исключительную важность аррасского перисда в идейной биографии «Трибуна народа». Нет сомнения в том, что именно во время пребывания Бабефа в тюрьме Бодэ в 1795 г. его теоретическая мысль работала особенно напряженно, его коммунистические идеи, обогащенные всем опытом французской революции и, особенно, якобинской диктатуры, приобрели наибольшую зрелость и ясность. 18 июля 1794 г. Бабеф вышел из тюрьмы в Лане (центр департамента Эны), где он находился в связи с пересмотром приговора амьенского трибунала по пресловутому делу о «подлоге». В термидоре — до сих пор неизвестно, когда, до или после казни Робеспьера, — он очутился вновь в Париже. В сентябре он выпускает первый номер своей газеты. Уже в октябре появляется распоряжение о его задержании, скоро, правда, отмененное. Но в январе 1795 г. очередной номер своей газеты Бабеф редактирует, по примеру Марата, «из глубины подземелья», т. е. будучи на нелегальном положении. 10 плювиоза III г. (29 января 1795 г.), — после его возвращения в столицу прошло всего лишь полгода, — против Бабефа выступает с яростными нападками в термидорианском Конвенте сам Тальен. Через две недели (24 плювиоза — 12 февраля) Бабеф был уже арестован, а 15 марта 1795 г. препровожден в Аррасскую тюрьму.

В течение этих шести-семи месяцев в жизни Бабефа произошел давно созревший «скачок». — он оказался на политической авансцене Франции. Он имел свою газету, к которой очень внимательно прислушивались не только в столице, но и во всей стране. Не случайно Бабеф с двадцатого номера переименовал свой орган из «Газеты свободы печати», в «Трибуна народа». Весной 1793 г. он называл так Шометта, — зимой 1794 г. он впервые называет так самого себя. На этот раз Бабеф выступал уже не как «Марат Пикардии», а как трибун всей плебейской Франции. По признанию современников, Бабеф к этому времени

уже стал одним из руководителей «партии Коммуны», и если бы он оставался в жерминале и прериале в Париже, он, несомненно, был бы во главе тех, кто в последний раз шел диктовать волю санкюлотов столицы «отцам-законодателям». Но эти месяцы лихорадочной деятельности оставляли мало времени для теоретической работы, для спокойного обдумывания, для зрелых, законченных, взвешенных формулировок. Такую возможность Бабеф получил только в Аррасской тюрьме.

Правда, и здесь, несмотря на все стеснения, налагаемые тюремной обстановкой, Бабеф не прерывал своей политической деятельности. Он установил связь не только с «патриотами» Арраса, но и всего департамента Па-де-Кале. Он поддерживал переписку со своими единомышленниками в Париже, особенно с теми, кто находился в столичных тюрьмах. Он тщательно обдумывал сложные тактические маневры (он сам их называл «макиавеллистскими»), которые дали бы ему возможность вырваться из тюремной клетки и вернуться в столицу, чтобы повести борьбу за спасение гибнущей революции. Но в то же время Бабеф напряженно работал над выработкой того, что он называл «священным манифестом» («Manifeste sacré»), новой «Нагорной проповедью», скрижалями нового «Кодекса природы». Он чрезвычайно дорожил теми письмами, в которых излагал свои заветные мысли. Он просил своего основного корреспондента, узника Аррасской тюрьмы, Шарля Жермена, вернуть ему одно из таких писем и мотивировал это тем, что вопросы, которые в нем трактовались, являются «абстрактными» (*cette matière-là est abstraite*), что работа над ними очень сложна, что у него далеко не всегда будет возможность ими заниматься, особенно, когда придется отдать все силы «великому делу» (*à la grande besogne*) и тем, наконец, что не всегда, когда приходится возвращаться к прежней теме (*retravailler un même sujet*) удастся также удачно формулировать свои мысли, как в первый раз¹.

К сожалению, из литературного наследия Бабефа за этот важнейший для его идейной эволюции период до нас дошло сравнительно очень немногое. В распоряжении В. Адвиелля, когда он писал биографию Бабефа, еще имелся важнейший, основной источник — вся переписка между Бабефом и Жерменом. Но переписка эта позднее исчезла, и мы можем судить о ней только по тем отрывкам, которые опубликовал Адвиелль². Из всей этой обширной переписки уцелело только одно письмо от 10 термидора III г. (28 июля 1795 г.), то самое, (которое

как раз и просил вернуть ему Бабеф), представляющее собой одну из жемчужин в наследстве Бабефа³.

Но это письмо являлось ответом Ш. Жермену на некоторые его замечания в связи с более ранним письмом Бабефа, посланным им не позднее 4 термидора. Это письмо представляло особый интерес, в нем содержались основные принципы разрабатывавшегося Бабефом «священного манифеста», «план» (*précis*) его «Кодекса природы». «Твой план, — восторженно писал ему Жермен на следующий же день, — является кодексом, который провозгласили бы сами Гракхи, если бы только подлые Аппии... их не задушили»⁴. «Я закончил чтение твоего письма от 5 термидора, — отвечал ему Бабеф 10 термидора. — Я считаю, что дискуссия, в которую ты меня вовлек, дала возможность развить некоторые идеи, очень существенные для нашего дела; они могут оказаться полезным материалом для манифеста»⁵.

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что Бабеф работал в Аррасе над составлением «манифеста» и что его письмо от 4 термидора излагало основы этого документа. Так его расценил и Жермен, и немедленно поэтому приступил к его распространению. Адвиелль, к счастью, сообщил нам важную деталь. «Как практичный человек, — писал он, — Жермен раскрыл произведение Бабефа и разделил его на 35 пунктов или статей, считая, что каждый из этих пунктов подлежит отдельному обсуждению»⁶.

Рукописный оригинал «35 пунктов» до сих пор не удавалось найти, но «примета», указанная Адвиеллем, помогла обнаружить его копию в архиве Марка-Антуана Жюльена, находившегося в 1795 г. в парижской тюрьме Плесси и бывшего одно время в близких отношениях к Бабефу, Буонарроти и бабувистским кругам⁷. В тетрадке, озаглавленной Жюльеном «Дневник в Плесси» («*Journal à Plessis*»), на двух страничках тщательно переписаны тезисы, которые Жюльен озаглавил «*Notes ou questions qu'on pourrait traiter d'agrariennes*». Эти «заметки» при ближайшем знакомстве и оказались копией того самого бабефовского текста, который Жермен предусмотрительно разделил на 35 пунктов. В том, что эти «пункты» попали из Арраса в Плесси, нет ничего удивительного. Мы уже отмечали, что между обеими тюрьмами существовала прочно налаженная связь, благодаря постоянной переброске заключенных из одной тюрь-

³ Оригинал части письма хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 223, 49 В IV. М. Домманже («*Pages choisies de Babeuf*», Paris, 1935) опубликовал его полностью по копии, сохранившейся в коллекции А. Роллена.

⁴ V. Advielle. Op. cit., v. 1, p. 143.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 223, 49 В IV.

⁶ V. Advielle. Op. cit., v. 1, p. 142.

⁷ О М.-А. Жюльене см. нашу работу «М.-А. Жюльен после 9 термидора» («Французский Ежегодник. 1959». М., 1961).

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 223, 49 В IV.

² V. Advielle Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1884, v. 1, p. 133—171.

мы в другую. К тому же в сентябре 1795 г. Бабеф и Жермен сами были переведены в Плесси и можно не сомневаться, что драгоценные «пункты» стали общим достоянием заключенных этой тюрьмы. Судя по некоторым замечаниям в тюремном дневнике Жюльена, мы склонны однако полагать, что этот документ стал известен Жюльену еще до появления Бабефа в тюрьме Плессис.

Приведем полностью все «35 пунктов» с теми несколькими примечаниями, которыми сопровождал их Жюльен⁸.

1. Что такое общее благоденствие (*bonheur commun*) — цель общества.

2. Положение каждого человека не должно ухудшаться из-за того, что из первобытного состояния он перешел в общественное.

3. Определение собственности.

4. Земля не принадлежит никому в отдельности, а всем.

5. Все, что отдельный человек накапливает сверх необходимого для его пропитания, является воровством у общества.

6. Пресловутое право отчуждения является гнусным, человекоубийственным преступлением.

7. Наследование по семейному праву является не меньшим злодеянием; оно изолирует членов сообщества друг от друга и превращает каждую семью в маленькую республику или, вернее, в монархию, которая не может не конспирировать против большой республики; оно освящает неравенство.

8. Если член общества не имеет возможности удовлетворить все свои каждодневные потребности, это является результатом расхищения его природной, личной собственности захватчиками общих благ (*des biens communs*). По этой же причине все, что член общества имеет свыше необходимого для удовлетворения его потребностей, является результатом ограбления им других сочленов по обществу (*co-associés*) и неизбежно лишает этих сочленов их доли в общих благах.

(п. 6. — Усовершенствованный общественный строй: «Пусть все имеют достаточно и пусть никто не имеет слишком много» Ж[ан] Ж[ак] Р[уссо] — это положение является эликсиром «Общественного договора». Женевский философ не мог развить его в то время, когда он писал, но его совершенно достаточно для каждого, умеющего понимать⁹).

⁸ ЦПА ИМЛ, ф 317, № 767. Тюремный дневник М-А Жюльена («Journal à Plessis») входит в группу документов, озаглавленных «Détenition de M. Jullien», NN 762—793.

⁹ К этому пункту Жюльен сделал примечание «П 6 Все эти принципы, которые кажутся справедливыми и истинными, также не могут быть применены в нашем нынешнем обществе, как не может современный человек питаться травой или корнями и обходиться без жилищ и одежды; только сумасшедший может считать возможным осуществление такой аграрной

9. Самые тонкие рассуждения бессильны противостоять этим непреложным истинам.

10. Превосходство таланта и предприимчивости является только химерой и благовидным обманом, который всегда служил заговорщикам в их кознях против равенства.

11. Различия в оценке и значении, придаваемом тому или иному произведению человеческого труда, поконятся только на том суждении, которое придает им некоторые, сумевшие навязать его и всем остальным.

12. В угоду этому суждению совершенно ошибочно рабочий день того, кто изготавливает часы, оценивается в двадцать раз выше, чем [рабочий] день того, кто проводит борозду.

13. Вследствие этой ложной оценки заработок рабочего-часовщика дает ему возможность приобрести достояние (*d'acquérir patrimoine*) двадцати работников плуга, которых он таким образом экспроприирует.

14. Все пролетарии стали таковыми в результате такого же сочетания обстоятельств, но в разных пропорциях; однако все они исходят из того же различия в оценке разных произведений в силу установившегося общественного предрассудка.

15. Нелепа и несправедлива претензия на большее вознаграждение со стороны тех, чье занятие требует большего прилежания и более высокой степени умственного развития (*un plus haut degré d'intelligence*) и умственного напряжения. Это несколько не расширяет вместимости их желудка.

16. Нет никаких оснований притязать на вознаграждение, превышающее удовлетворение личных потребностей.

17. Только общественный предрассудок придает особую ценность умственному развитию, нужно еще, возможно, выяснить, не заслуживает ли ее в той же мере природная сила, физический труд.

18. Только люди умственных занятий (*les intelligens*) дали такую высокую оценку произведениям своего мозга; можно не сомневаться, что, если бы это зависело от людей физического труда (*les forts*), они установили бы, что заслуги рук не меньше, чем заслуги головы, а усталость всего тела равна усталости той его части, которая занята размышлением.

19. Без этого необходимого уравнения более образованным, более предприимчивым дается патент (*un brevet*) на ограбление, право на то, чтобы беспрепятственно обирать тех, кто меньше обеспечен в этом отношении.

системы (*d'un système agraire*), которая приведет к уничтожению всего общества и никогда не сумеет помешать тому, чтобы в ходе событий, уже на следующий день после раздела не возникло бы новое неравенство в имуществе. Нужно улучшать судьбу бедняков, но мудрыми и осуществимыми средствами»

20. Вот таким образом в обществе было подорвано и уничтожено имущественное равновесие. Одни стали иметь слишком много, тогда как другие имеют слишком мало.

21. Все наши общественные установления, все наши взаимоотношения являются только актами непрерывного ограбления, освящаемого абсурдными и варварскими законами, под сенью которых мы заняты только тем, что обираем друг друга.

22. Наше общество плутов, вследствие того, что в нем заложены такие основы, развивает всевозможные пороки и преступления, против которых тщетно объединяются некоторые люди, объявив им войну; они не могут победить, потому что нападают не на зло, в самой его основе, а применяют только паллиативы, которые они находят среди ложных идей, вызванных нашей общей развращенностью.

23. Из всего сказанного ясно, что все, чем владеют те, кто имеют свыше полагающейся им доли в общественных благах, является результатом грабежа и узурпации.

24. Поэтому справедливо это у них отнять.

25. Тот, кто станет доказывать, что в состоянии, благодаря своим природным способностям, сделать столько же, сколько делают четверо, и потребует на этом основании вознаграждения за четверых, является заговорщиком против общества, потрясающим одним этим равновесие и уничтожающим драгоценное равенство.

26. Мудрость властно предписывает всем участникам общества (co-associés) укрощать такого человека, преследовать его, как общий бич, обязывать его делать только то, что производит один, с тем, чтобы он мог требовать вознаграждения, причитающегося только одному человеку.

27. Только наше общество (notre seule ère) ввело это губительное различие в оценке заслуг, и только оно испытывает поэтому лишения и бедствия.

28. Никто не должен испытывать недостатка в том, что природа дает всем, производит для всех; если этот недостаток является неизбежным следствием природных бедствий, то эти лишения в равной мере должны переносить все.

29. Произведения мастерства и умения (de l'industrie et du génie) становятся, таким образом, общей собственностью, достоянием всего общества с того момента как изобретатели и труженики их создали, потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми пользовались новые изобретатели и труженики при своих новых открытиях.

30. Поскольку приобретенные знания являются общим достоянием, они должны в одинаковой мере распределяться между всеми. Только в силу злонамеренности, предрассудков или по недомыслию можно оспаривать истину, что это равное

распределение между всеми делает людей почти равными в знаниях, в способностях, и даже в умственных талантах¹⁰.

31. Образование является противоестественным (monstruosité), когда оно основано на неравенстве и является исключительным достоянием только части общества, потому что в этом случае оно становится в руках одной группы машиной, оружием, с помощью которого она сражается против другой группы, которой она не признает, и легко добывается того, что обманывает ее, подчиняет себе, обирает и расправляется с ней.

32. Нет более важной истины, чем та, которую провозгласил один философ: болтайте сколько хотите о лучшей форме правления, вы не добьетесь ничего до тех пор, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия¹¹.

33. Необходимо, чтобы общественные учреждения навсегда отняли у каждого надежду стать более богатым, более могущественным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан.

34. Нужно добиться того, чтобы судьба каждого человека была определена, сделать каждого члена общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств, обеспечить для каждого человека и всего его потомства, как бы ни было оно многочисленно, достаток и ничего кроме достатка (suffisance), и навсегда уничтожить все возможности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда.

35. Единственный способ достижения этого состоит в том, чтобы установить общее управление (l'administration commune), уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает, обязать сдавать в натуре все его произведения (le fruit) на общий склад (en magasin commun), создать администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая будет вести списки всех сограждан и всех изделий (de toutes les choses) и станет распределять их на основе самого строгого равенства и доставлять в жилище каждого гражданина. Осуществимость этого доказана опытом, поскольку находит применение в отношении миллиона двухсот человек в наших армиях¹².

* * *

У нас нет сведений о дальнейшей работе Бабефа в Аррасе над проектом «Манифеста». Но то, что было им изложено в

¹⁰ К этому месту Жюльен сделал примечание. «Мне трудно этому поверить»

¹¹ Примечание Жюльена: «Думаю, что это — Мабли»

¹² Примечание Жюльена «Читайте Гоббса, Гельвеция, Бурламаки и т. д.» (СПА ИМЛ, ф 317, № 767).

письме к Жермену в первые дни термидора III г., он берег чрезвычайно тщательно и, как мы в этом сейчас увидимся, считал наиболее точным и удачным изложением своих взглядов.

10 сентября 1795 г. (24 фрюктидора III г.) Бабеф и Жермен были переброшены в Париж, в тюрьму Плесси. Здесь Бабеф познакомился с Буонарроти. В Плесси сложилось ядро будущего движения «равных», и можно не сомневаться, что аррасские «35 пунктов» были предметом обсуждения; свидетельством этого является тюремный дневник Жюльена. В Плесси Бабеф, Буонарроти, Жермен, Жюльен провели день 13 вандемьера, когда они трижды обращались в Конвент с требованием дать им возможность принять участие в битве за сохранение республики. Напуганные угрозой монархического переворота, грозившего «цареубийцам» личной расправой со стороны разъяренных роялистов, термидорианцы решают, в конце концов, открыть двери тюрем тысячам «террористов», оказавшихся в заключении после 9 термидора. Бабеф был освобожден 26 вандемьера (18 октября 1795 г.) еще до общего акта об амнистии (4 брюмера). Но термидорианцы и пришедшая в эти дни к власти Директория напрасно рассчитывали на то, что акта амнистии окажется достаточно для примирения с «последними Гракхами» французской революции. Всего через три недели после освобождения, 15 брюмера, Бабеф возобновляет издание своего «Трибуна народа». Первый номер газеты после возобновления (№ 34) явился открытым объявлением воины Директории, смутившим даже считавшихся наиболее левыми демократических журналистов Шарля Дюваля, Лебуа и того же Жюльена. В ответ на их критику Бабеф выпускает свой знаменитый № 35 — собственно, даже не номер газеты, а целый памфлет на 55 страничках мелкого, убористого шрифта. Он публикует в нем свое гневное письмо, адресованное Фуше, отвечает всем колеблющимся и впервые за все годы революции выступает с открытым забралом: провозглашает свой «Манифест плебеев», свой «План восстановления действительного равенства», т. е. излагает основы своего коммунистического мировоззрения, на что он не решался ни в 1791, ни даже в 1793 г.

«Народ! Пробудись,— писал он на последней странице номера «Трибуна народа»,— выйди из своего оцепенения... Пусть разглядятся морщины на твоём челе при виде этого счастливого будущего. Пусть это произведение станет сигналом, станет молнией, которая оживит, возродит всех, преисполненных когда-то жаром и мужеством! Всех, кто горел когда-то пламенем во имя общественного блага. Пусть народ узнает подлинную идею равенства!... Пусть народ подвергнет обсуждению все эти великие принципы, пусть развернется борьба вокруг этого знаменитого завета о подлинном равенстве и по поводу собственности. Пусть будут низвергнуты все эти старые, варварские учрежде-

ния... Пойдем смело к Равенству. Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видна общее благоденствие»¹³.

Но в центральной части этого номера «Трибуна народа», именно там, где изложены основы этого «великого манифеста восстановления подлинного равенства», этого нового «кодекса природы» мы находим те самые аррасские «35 пунктов», с которыми мы только что ознакомились¹⁴. Правда, исчезла жерменовская нумерация, в текст внесены некоторые мало существенные, в общем, стилистические изменения; гораздо подробнее развиты последние пункты. Однако в основном эта центральная, главная часть «Манифеста плебеев» представляет собой почти буквальное воспроизведение «аррасских пунктов», дошедших к нам в записи Жюльена.

О том, какое значение придавал сам Бабеф именно этой части своего «Манифеста плебеев», можно судить по тому, что в своей последней защитительной речи на Вандомском процессе, огласив листовку «Анализ доктрины Бабефа», опубликованную в 1796 г., и подчеркнув полное с нею согласие, оговорил все же, что не он является ее автором, и счел нужным прочитать на суде для изложения своего мировоззрения часть «Манифеста плебеев» из № 35 «Трибуна». Эта оглашенная им часть «Манифеста плебеев», которую он считал наиболее ясным и точным изложением своих взглядов, и составляла знакомые нам «аррасские пункты»¹⁵.

В нашу задачу не входит подробный теоретический анализ «Манифеста плебеев», в частности, тех его положений, которые носят особо «грубо-уравнительный характер». Мы ограничимся здесь только историей его написания, которая представляется нам очень существенной. До последнего времени в литературе, посвященной истории бабувизма и его идеологии, существуют значительные разногласия. Совсем недавно один из новейших исследователей этого вопроса Клод Мазорик выступил с защитой той точки зрения, что идейное развитие Бабефа шло далеко не «прямолинейно», а шло сложными зигзагами, то приближаясь, то сравнительно далеко удаляясь от коммунистических принципов (защита «аграрного закона») ¹⁶. Споры в литературе вызывает также вопрос о том, кто, собственно, являлся основным идеологом «равных», их «Ликургом». По мнению, например, А. Ленинга, поддержанного некоторыми други-

¹³ «Le Tribun du Peuple ou le défenseur des droits de l'homme», N 35 p 106—107.

¹⁴ Ibid, p 102—105.

¹⁵ См. V. Advielle. Op. cit., v. 2 («Défense générale de Babeuf»), p 35—36.

¹⁶ C. Mazaugic Babeuf et la Conspiration pour l'égalité Paris, 1962;idem Bilan des études sur l'histoire du mouvement et l'idéologie babouviste («Rivista storica del socialismo», 1962, N 15—16).

ми авторами, эту роль играл не столько Бабеф, сколько Буонарроти¹⁷.

История написания «Манифеста плебеев», обнаружение «35 пунктов», проливает известный свет на эти спорные проблемы. Из 15 пунктов «Анализа доктрины Бабефа» четыре последних пункта посвящены собственно политическим вопросам; в аррасском документе эти проблемы не получили никакого освещения. В «Анализе доктрины Бабефа» эти политические пункты посвящены в основном защите конституции 1793 г., и, вероятнее всего, в них сказалось влияние Буонарроти, Дарте и тех бывших робеспьеристов, с которыми сблизился Бабеф в Париже зимой 1795/1796 г. Но зато первые 11 пунктов «Анализа доктрины Бабефа» являются только пересказом, гораздо более удачным, но все же только изложением тех же бабефовских «пунктов», наиболее важной части «Манифеста плебеев». Сличение 15 пунктов «Анализа доктрины Бабефа» с «35 пунктами», написанными Бабефом еще в Аррасской тюрьме, не оставляет никаких сомнений в том, что в разработку социальных идей «равных» решающий вклад внес именно Бабеф.

Достаточно сравнить эти «аррасские пункты» с более ранними произведениями Бабефа — его письмом к Дюбуа де Фоссе в июне 1786 г., с перепиской с Купе в 1791 г., «Законодательством санкюлотов» (1793), чтобы убедиться в том, насколько «прямолинейно» шло идейное развитие Бабефа, как упорно и цепко работала его мысль все над одним и тем же кругом проблем. Понимание того, что в основе всех общественных бедствий лежит существование частной собственности, что уничтожение ее является главной предпосылкой для установления строя «совершенного равенства», в котором «все будет общим», красной нитью проходит через все рассуждения Бабефа, начиная с 1786 и кончая 1795 г., — от темы, предложенной им для конкурса Аррасской академии еще до революции, до «35 пунктов», по странному совпадению написанных в том же Аррасе в 1795 г.

Как мы видим, это развитие шло по «восходящей линии». В бурные 1789—1794 гг. коммунистические идеи Бабефа неизмеримо обогащались и прояснялись прежде всего для него самого. Мысль об «общих складах», куда должны поступать все изделия человеческого труда, и где они будут распределяться на основе самого сурового равенства «специальной администрацией», впервые формулируется Бабефом только в аррасских тезисах, в его переписке с Жерменом. В этом, несомненно, сказалось влияние Морелли, с которым Бабеф ознакомился, по-видимому, очень поздно, уже в годы революции. Во всяком случае о «Ксдексе

природы» (приписываемом им Дидро) он впервые упоминает все в том же 35 номере «Трибуна народа». И все же это «книжное» влияние было, вероятно, второстепенным. И генезис коммунистического мировоззрения Бабефа, и его развитие определялись прежде всего опытом. К мысли об «общих складах» Бабефа подтолкнул опыт — в том числе и его личный — организации распределения, осуществленного якобинской диктатурой, весь опыт ее экономической политики.

Но как бы ни развивались эти социальные идеи Бабефа, как бы много поправок, дополнений и изменений ни вносил в них исторический опыт, его идейное развитие действительно носило «прямолинейный» характер. Раз уверовав в великую идею «общества совершенного равенства», Бабеф, со всей присущей ему страстной и непримиримой «прямолинейностью», пронес эту веру до вандомского эшафота. И на этом пути развития его коммунистического мировоззрения «аррасские тезисы» явились очень важной вехой.

¹⁷ A. Lehning, Buonarroti's ideas on communism and dictatorship. («International Review of Social History», 1957, v. II).